

Адамы Эвы

ВИЗИТ ПРИМАДОННЫ

Лариса ДОЛГАЧЕВА

У нас таких могучих дубов, каким кажется голос польской певицы, нет. Диапазон — три с лишним октавы с пределом на "ре" третьей октавы. Никаких регистровых "швов" и тембровой пестроты: что низ, похожий на скалистую пропасть, что огнедышащая середина, что мечеподобные верхи — все одной героической "породы". При этом подвижность — феноменальная. "Да она ли это?" — удивятся меломаны, помнящие первый, двадцатилетней давности, приезд певицы в Москву на Конкурс имени Чайковского (где она взяла 3-ю премию). Типичное меццо Подлесь с тех пор в самом деле потемнело, загустело. И на концерте, организованном Польским культурным центром в Большом зале Московской консерватории, певица явилась настоящим контральто, колоратурным контральто.

В программе — только Россини (кто ж еще так любил этого рода голоса и так много писал для них!). Первым делом прошествуют герои — защитник Сиракуз Танкред из одноименной оперы, ассирийский полководец Арзаче из "Семирамиды", венецианский генерал Кальбо из "Момета II", шотландский патриот Малькольм из "Девы озера". Напишись сии оперы на полвека пораньше, быть бы всем этим малькольмам и танкредам на сцене кастратами. Но во времена Россини мода на сладкоголосых инвалидов уже прошла, привычка же отдавать роли идеальных героев тенорам еще не укоренилась. Вот и бряцают мечами в иных операх маэстро женщины. Аналог кастратам сомнительный, но результат все одно — превосходный. Об этом уж "пезарский лебедь" позаботился. Что напридумывал — ни в сказке сказать, ни пером описать. Но описать, как справились с его феерическими фантазиями польская певица, а заодно второй участник концерта, Камерный оркестр под управлением Константина Орбеляна, вполне возможно.

Последний нарядил Россини в грубоватый бюргерский сюртук, убрал подальше изобретенное им шампанское и сыграл увертюры к "Севильскому цирюльнику" и "Золушке", во всем согласуясь с девизом "Осторожность, спокойствие, долг". Лишь в третьем сольном номере, увертюре к "Сороке-воровке", в оркестре появились азартность и блеск — чужой сюртук начинал расползаться на эпикурейской фигуре Россини, но до окончательного освобождения было еще далеко. Не то — Эва Подлесь.

Ее Россини горел, кипел, ошеломлял, доводя публику до экстаза... И что, публика не слышала, как певица протрудно сипела, как порой смазывала речитативную линию и рвала из контекста то одну, то другую колоратурную завитушку? Слышала. Но куда ей было деваться от магии необычного голоса, подкрепленной в целом недюжинным виртуозным мастерством и экзотикой. Экзотикой, уточню, для нас, не привыкших к женщинам в мужских масках по причине почти полного отсутствия на отечественных подмостках барочных опер и того же Россини ("Цирюльник" — хорошо, но где 36 других его опер?). В репертуаре же Эвы Подлесь означенные музыкальные деликатесы — основа основ. "Мне так часто приходится обнимать на сцене сопрано, — любит шутить она на эту тему, — что я иногда смотрю, не появились ли у меня усы". Усы не появились. Но как рисовать женский шарм, пани Эва, кажется, подзабыла. И обнаружилось это во втором отделении концерта, где она сменила мужское платье на дамское — в прямом и в переносном смысле.

Фото Е. БУРИСТРОВА

Таких несгибаемых хозяек своей судьбы, как ее Розина из "Севильского" и ее Изабелла из "Итальянки в Алжире", поискать. Кокетство — это как? Слабость? Ни за что! Обе героини буффонных опер определенно собрались в вожжи и трибуны. Но если Изабелле эта прихоть еще к лицу — по сюжету веселая сумасбродка, спасая сама, спасает из неволи и соотечественников, — то мужеподобная Розина (к тому же "разболтанная" вольным обращением певицы с россиниевским темпоритмом) — чистый укус. Словом, дамы, призванные расцветить общество героев, ничего в нем по сути не изменили. Средство от скуки не работало, и ею-таки повеяло под занавес. Но "занавес" вовремя опустился, оставив нас в приятном убеждении: мы встретились с мастером. Певицей, которой не хватало, в сущности, малого, чтобы назваться одной из лучших учениц Россини, провозгласившего альфой и омегой искусства... что? Наслаждение, конечно, наслаждение.

Из досье певицы: окончила Варшавскую музыкальную академию. В 1975 году, еще будучи студенткой, дебютировала (партией Розины) в Большом театре Польши. Лауреат шести международных конкурсов. Мировую карьеру начала в 83-м, спев в Будапеште Кармен. Далее последовали приглашения в Мет, Венскую и Берлинскую Штаатсопер, Ла Скала, Опера Бастий... В наступившем году в Сан-Паулу спел Эболи, в Венеции — Амнерис, в Мадриде — Ульрику ("Бал-маскарад"), а также даст концерты, в одном из которых, запланированном на 25 октября в Карнеги-холл, повторит московский "Россини-гала". Семья: муж-пианист и 16-летняя дочь, которая, по утверждению родителей, постоянно влюблена, но, увы, не в музыку. ●